

Татяна Гаврилина

**На все Твоя
воля**

Татьяна Гаврилина
На все Твоя воля.
Исторические новеллы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32830241
ISBN 9785449078087*

Аннотация

Эта книга об удивительных женщинах средневековья, чьи имена и судьбы заслонены от нас сильными и решительными мужчинами. Елена Волошанка, Кученей Темрюковна, Ирина и Ксения Годуновы, Мария Старицкая, Ксения Шестова и Феодосья Морозова – много ли мы знаем о них? Новеллы – это то немногое, что безжалостное время сочло необходимым для нас сохранить.

Содержание

ЕЛЕНА ВОЛОШАНКА	5
КУЧЕНЕЙ ТЕМРЮКОВНА	40
Конец ознакомительного фрагмента.	63

На все Твоя воля

Исторические новеллы

Татьяна Гаврилина

© Татьяна Гаврилина, 2018

ISBN 978-5-4490-7808-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕЛЕНА ВОЛОШАНКА

История правления великого московского князя Ивана III Васильевича – «собирателя земли русской» не только охватывает значительный период времени (он правил сорок три года), но и полна многих занимательных и интригующих событий. Любопытно в ней и то, что доминирующую роль в этих событиях играли две женщины. Но если имя одной из них – Софья Палеолог на слуху, особенно у тех, кто интересуется историей, то имя другой – Елена Волошанка обходится глубоким молчанием.

Точная дата рождения Елены Стефановны неизвестна, но можно предположить, что она родилась не ранее **1458** года.

И вот почему.

В первый раз Иван III женился на тверской княжне Марии Борисовне очень рано. Ему не было и восемнадцати лет, когда в **1458** году он впервые стал отцом. Первенца от этого брака назвали Иваном. Однако вскоре великий князь овдовел, а его сын – тринадцатилетний княжич Иван, прозванный для большей ясности Молодым, начиная с **1471** года, стал соправителем отца. С этого времени на монетах, отчеканенных в Московском княжестве, указывались имена обоих правителей – отца и сына.

Считалось, что брак Ивана III Васильевича и Марии Бо-

рисовны был заключен по политическим мотивам, с целью удержать земли Тверского княжества под юрисдикцией Москвы, но потому как долго после смерти Марии великий князь вдовел, можно предположить, что молодые испытывали друг к другу глубокие чувства.

Ивану Молодому исполнилось двадцать четыре года, когда родитель надумал его женить на дочери молдавского господаря Стефана III Великого – Елене Стефановне. В традициях тех лет невеста должна была быть намного моложе своего будущего супруга. Вот и получается, что родилась Елена никак не раньше **1458** года!

Дружеские отношения Ивана III Великого и Стефана III Великого были давними и прочными, а укреплялись они посредством совместных усилий, направленных против опасности нападения со стороны их общих врагов – татар и турок, рвущихся на Балканы и дальше, к самому сердцу православного мира. Намерения закрепить политический союз Москвы и Валахии (Молдавии) еще и родственными связями имелись как у одного, так и у другого правителя.

В **1480** году Стефан III направил в Москву посла, уведомляя московского князя о том, что его дочь выросла и что он готов отдать ее в жены молодому княжичу. И поскольку известие оказалось давно ожидаемым, а дело давно обговоренным, то в **1481** году «в Волохи» с ответным визитом отбыли княжеские сваты, которые и доставили в следующем **1482** году в Москву суженую Ивана Молодого – Елену Стефановну,

прозванную, едва ли не с первых минут, Волошанкой.

Волошанка, значит родом с Балкан, с Волох или Валахии.

В **январе 1483** года молодые шумно и весело отгуляли свадьбу, а уже осенью подарили Ивану III первого внука, названного Дмитрием. Казалось, что жизнь в княжеской семье течет складно, да ладно. Ан, нет! Случалось в большом семействе великого князя всякое. Причем, страсти между родственниками порой разгорались нешуточные. А все почему? Да потому, что «полешки» в костер семейных битв то и дело подбрасывала вторая супруга Ивана III – Софья Фоминична Палеолог.

Жизненный путь Софьи (Зои) – племянницы последнего византийского императора Константина XI начался где-то между **1443—1449** годами (точная дата ее рождения неизвестна). Рано осиротев, девочка воспитывалась вместе с братьями при дворе римского Папы. Это немаловажное обстоятельство и предопределило дальнейшую судьбу бедной изгнанницы, представительницы некогда могущественной, но угасающей династии, утратившей и свое высокое положение, и все принадлежащие ей прежде владения, и богатства.

В поисках путей усиления влияния на православную Русь, Папа Павел II обратил внимание на овдовевшего в **1467** году московского князя Ивана III. Союз Москвы и Рима был давней мечтой Павла II. Более чем удачным, представлялся

этот союз и для Зои.

Переговоры о слиянии двух древних династий – Рюриковичей и Палеолог, начавшиеся в **1469** году, затянулись на три года. Не одобрял и всячески противился этому браку митрополит Филипп, который нисколько не сомневался в том, что женитьба великого князя на гречанке, воспитанной при дворе главы римско-католической церкви есть прямая угроза русскому вероисповеданию.

Но та настойчивость, с которой Рим добивался этого брака, со временем возымела свое действие, и в начале **1472** года послы Ивана III отправились за море за невестой. Обоз византийской царевны, продвигаясь в Москву с юга на север, пересек всю Европу и везде, во всех городах в честь высокой гости устраивались роскошные приемы и рыцарские турниры. Почти полгода добиралась Зоя в сопровождении огромной свиты до суровой, пронизанной холодными зимними ветрами московской земли, где ей предстояло жить и княжить всю оставшуюся жизнь.

Впрочем, не смотря на общее благоприятное впечатление от встречи с жителями этой земли, въезд в самую северную столицу был несколько омрачен. И причиной тому было то, что папский представитель Антонио Бонумбре вез в голове обоза большой католический крест. Но как только весть об этом публичном демарше наглого римлянина дошла до Москвы, так в среде духовенства разразился небывалый скандал. Митрополит Филипп, со всей присущей ему

категоричностью, заявил, что если католический крест введут в город, то он немедленно покинет Москву. Попытка папского нунция открыто продемонстрировать символ католической веры не могла ни обеспокоить и великого князя. Русские летописи, которые умели при описании щекотливых ситуаций находить обтекаемые формулировки, на этот раз не стеснялись в выражениях. Все борзописцы, как один, отметили, что высланный Иваном III навстречу процессии боярин Федор Давыдович Хромой, исполняя поручение князя, просто-напросто, силой отнял у папского священника ненавистный «крыж», и только после этого обоз невесты проследовал в столицу.

В этот же день **12 ноября 1472** года, еще не обрусевшая и не понимающая по-русски ни слова, Софья была повенчана с Иваном III. Так в русскую историю вошла византийская принцесса – гречанка по происхождению, католичка по воспитанию Зоя Палеолог, ставшая великой русской княгиней Софьей Фоминичной, как стали называть ее при дворе.

Но, вопреки ожиданиям Павла II, устроившего этот династический брак, он не принес Риму никаких ощутимых результатов ни в решении религиозных вопросов, ни в планировании военных программ. Иван III и в новых для себя обстоятельствах проигнорировал его предложение к объединению и созданию единого фронта для борьбы с турецкой опасностью.

Проводя вполне самостоятельную политику как внутри

государства, так и вне его, Иван III извлек, тем не менее, из этого брака свою выгоду. Он активно привлекал в Москву лучших умельцев и ученых, сведущих в различных областях знаний. Все пять посольств, которые великий князь отправил в Италию в конце XV века, возвратились в Москву в сопровождении архитекторов, врачей, ювелиров, мастеров-чеканщиков, специалистов в области оружия и крепостного дела. Косяком потянулась в Москву на сытные хлеба и вольные просторы охочая до легкой наживы греко-итальянская знать. Как более просвещенная и изощренная в искусстве плести интриги и устраивать разные пакости, она успешно демонстрировала свои способности на поприще дипломатии.

В целом, появление этой благовоспитанной и образованной на западноевропейский манер женщины в патриархальной Москве оказалось весьма полезным. Не без влияния великой княгини-гречанки и ее греко-итальянского окружения Иван III принял решение о грандиозной перестройке своей резиденции. Более того, в конце XV – начале XVI века по проектам приглашенных итальянских зодчих был реконструирован Кремль, возведены Успенский и Архангельский соборы, отстроены Грановитая палата и Казенный двор в Кремле, заложены первый каменный великокняжеский дворец, монастыри и храмы в Москве. Многие из этих построек дожили до наших дней в первоизданном виде и вы-

глядят такими, какими они были при жизни Софьи Палеолог.

Нельзя не упомянуть и тот факт, что Софья привезла на Русь щедрое приданое – ту самую легендарную «либерию», которая больше известна, как библиотека Ивана IV Васильевича, прозванного Грозным, внука Ивана III. Коллекция книг, которую византийской царевне не только удалось собрать, но и тайно вывезти из-под самого носа Папы, едва умещалась на семидесяти подводках. Она включала в себя греческие пергаменты, латинские хронографы, древневосточные манускрипты, среди которых были неизвестные нам поэмы Гомера, сочинения Аристотеля и Платона и даже уцелевшие книги из знаменитой Александрийской библиотеки.

По преданию, нашлось в обозе Софьи место и для подарка будущему мужу. Им оказался «костяной трон», деревянный остов которого был весь покрыт пластинами из слоновой и моржовой кости, с вырезанными на них сюжетами на библейские темы. Этот трон так же известен нам, как трон Ивана Грозного.

С именем Софьи связано и появление на Руси нескольких православных икон, в том числе и такой редкой, как икона Божией Матери «Благодатное Небо». Известно и то, что Софья Палеолог привезла с собой в Москву и образ Спаса Нерукотворного, которым ее отец благословил на брак с князем.

И уже в XIX веке, во время раскопок в Кремле, дотошны-

ми археологами была обнаружена чаша со старинными античными монетами, предположительно отчеканенными в период правления римского императора Тиберия. По мнению ученых, эти монеты прибыли в Москву вместе с кем-то из многочисленной свиты Софьи Палеолог, в которой встречались уроженцы и Рима, и Константинополя, и других итальянских городов. Так, например, в свите царевны, следующей на Русь, прибыл некто А. Чичери, который в последствие, как считают прагматичные исследователи, оказался предком бабушки А. С. Пушкина, Ольги Васильевны Чичериной.

С появлением Софьи связаны и «великие нестроения» – перемены в деловой жизни Москвы. Великая княгиня вмешивалась буквально во все внешнеполитические дела. По ее настоянию Иван III, виданное ли дело, отказался платить дань ордынскому хану. Стараниями Софьи дворцовый этикет стал во многом напоминать византийский. Более того, великий князь сделал жене «подарок»: он разрешил Софье иметь собственную «думу» из членов свиты и устраивать «дипломатические приемы» на своей половине

Но для Руси, а, вернее, для менталитета русских женщин, такой уклад жизни был совершенно несвойственен, вот и задевали Софьины новшества одинаково всех: и высокородных благородных господ, и домовитых почтенных дам! Понятно, что «грекиню» вместе со всеми заведенными ею порядками тут же невзлюбили в Москве, а вскоре и вовсе стали

поговаривать, что она портит князя.

Однако, несмотря на все то огромное влияние, которое Софья Фоминична оказывала на своего супруга, ей так и не удалось подчинить его своей воле настолько, чтобы он слепо исполнял все ее желания. Иноземка в чужой стране, которая всем своим видом, манерой держаться в обществе и образом мыслей разительно отличалась от русской женщины, не пользовалась ни особым доверием, ни симпатиями окружающих ее лиц как в среде служилых людей, так и в среде духовенства

Предметом особой заботы Софьи, с самого первого дня ее замужества, стала борьба за отстаивание главенствующего положения в доме супруга. И если по началу ей совсем неплохо удавалась роль примерной мачехи в отношении пасынка – княжича Ивана Молодого, то с рождением в **1479** году собственного сына, названного Василием, она более не утруждала себя подобной игрой. С этого времени и до последнего часа своей жизни она последовательно добивалась для своего любимого чада престола и власти.

Но вопреки ожиданиям, князь хоть и был несказанно рад появлению еще одного мальчишка в семье, которого он ожидал семь долгих лет, но ничего и слышать не хотел о нем, как о наследнике.

По праву первородства престол принадлежал старшему

сыну в семье, каковым и являлся Иван Иванович Молодой. К слову сказать, княжич весьма серьезно относился к своему высокому званию соправителя, и в **1477** году успешно замещал Ивана III в Москве во время его похода на Новгород. Как истинный правитель повел он себя и в **1480** году ввремя, так называемого, «стояния» на Угре, возглавляя русскую рать вместе со своим дядей Андреем Васильевичем Меньшим. И в то время, как его отец отступил от реки, не осмелившись ввязываться в сражение, Иван Молодой не дрогнул. Что в таком случае говорить про мачеху молодого княжича, которая в страхе за свою жизнь покинула Москву и укрылась от татар на Белоозере.

Нерешительные действия Ивана III, склонного к переговорам с татарами, заставили архиепископа Ростовского Васиана Рыло направить великому князю послание, в котором он не только пристыдил его, но и напомнил о том, что православный государь обязан защищать веру народа и бороться за независимость своей страны. Подобного рода послание Иван III получил и от митрополита Московского Геронтия.

Бегать от врага – не соответствовало традиции русского народа.

Впрочем, «стояние» русских и татарских войск на Угре, завершилось самым неожиданным образом. Оба войска почти одновременно отступили от реки, так и не начав сражения. Кстати, до рождения у Ивана Молодого сына Дмитрия, Софья, учитывая большую разницу в возрасте между пасын-

ком и своим первенцем, которая составляла двадцать один год, относилась к наследнику вполне терпимо. Она понимала, что впереди у нее еще есть время, за которое с Иваном Молодым всякое могло случиться.

Но настроение Софьи решительно изменилось, когда первенец Елены тоже оказался мальчиком. Теперь если бы даже Иван Молодой и не пережил отца, то права наследования, по установившейся традиции, все равно перешли бы к его сыну Дмитрию. Но согласиться с подобной практикой престолонаследования Софья, как мать, не могла. Она категорически настаивала на пересмотре устаревшей традиции и, досаждая князю, превращала свои настойчивые просьбы на эту тему в семейные ссоры. Особенной остроты скандалы достигли и переросли в откровенный конфликт в **1483** году во время празднеств, устроенных князем в честь рождения внука. И связан он был с, так называемыми, «саженьями».

Первое время по приезду в Москву Софья Фоминична, поддерживая тесные связи со своей семьей, охотно приглашала родственников в гости. Дважды в составе посольской миссии в Россию приезжал ее брат Андреас или Андрей, как называют его русские летописи. Конечно, прежде всего, все они были движимы одной тайной мечтой – поправить свое материальное положение. И некоторым это даже удалось! Так в **1480** году ее брат Андреас выгодно выдал свою дочь Марию замуж за князя Василия Верейского, племянника Ивана III. Внесла существенный вклад в фунда-

мент семейного счастья племянницы и Софья, подарив ей, без согласования с мужем, княжескую фамильную драгоценность – «саженья», которые раньше принадлежали первой жене великого князя Марии Тверской.

Не ведая ни сном, ни духом о самоуправстве жены, Иван III, собираясь отблагодарить свою невестку Елену за внука, пообещал ей в подарок эти самые «саженья», но, не обнаружив дорогого украшения в царской казне, заподозрил неладное и приказал казначеям провести тщательную ревизию с составлением подробной описи всей недостающей наличности. Тут-то и выяснилось, что Софья «истеряла казны великого князя» немеряно, щедро одаривая княжескими драгоценностями заморскую родню. Разгневанный Иван III потребовал от Василия Верейского вернуть украденное Софьей сокровище, но тот, вместо этого, сбежал вместе с женой в Литву.

Так что, семейный скандал **1483** года завершился для Софьи большими неприятностями. Она была удалена от двора, заключена на женской половине дворца под домашний арест и отношения между супругами надолго разладились. Косо поглядывали на грекиню и все те, кто, считая ее униаткой, не доверяли ей и стояли на стороне Ивана Молодого и его жены Елены Волошанки. История с «саженьями» стала крупным поражением Софьи в ее поединке с Еленой за влияние на Ивана III.

Проигрывала Софья Фоминична Елене Волошанке и как

женщина.

Будучи моложе княгини более чем на полный десяток лет, Елена счастливо соединяла в себе притягательную женскую красоту и глубокий пытливый ум. Редко кто из представителей сильной половины человечества мог пройти мимо княжны и не восхититься совершенством всех ее женских прелестей. Но еще в большей степени, чем все вместе взятые добродетели, на авторитет княжны работал и тот факт, что рожденная дочерью православного молдавского господаря, она была единой веры с русскими.

К сожалению, Софья Фоминична, в отличие от своей соперницы, не могла похвастаться ни статной фигурой, ни особыми внешними данными. Среднего роста, тучная, с редкими усиками над верхней губой она замечала не только ехидные усмешки в глазах ненавидящих ее царедворцев, но и улавливала обращенные в ее адрес их едкие и произносимые в полголоса колкости.

Зато в хитростях и коварстве Софья не знала себе равных. Как верно заметил один из иностранных гостей, удостоившийся чести общаться с великой княгиней, она не только «имела самый тонкий ум, но и самую широкую талию в Европе».

Не трудно себе представить, какая из этих двух важных и властных особ пользовалась большим доверием и симпатиями двора. По-особому тепло относился к своей невестке и Иван III, демонстрируя кстати и не кстати свою отеческую

заботу о ней. Но проникательная Софья сердцем чувствовала, что князь лукавит и что только семейное родство мешает ему обнаружить истинную природу своей душевной привязанности к снохе.

Но, как бы там ни было, а в **1485** году гнетущая обстановка в великокняжеском доме разрядилась сама собой, чему предшествовали некие неожиданные события, произошедшие в Тверском княжестве.

В средние века Тверь, как и Москва, де-юре считалась отдельным и самостоятельным княжеством, но де-факто была связана с Москвой целым рядом долговых обязательств. Пытаясь вырваться из-под жесткого контроля Москвы, великий тверской князь Михаил Борисович, который, кстати, приходился Ивану Молодому родным дядей по матери, предусмотрительно списавшись с польским королем Казимиром IV, сбежал в Литву. Но сбежал не налегке и не на скорую руку, а прихватил с собой казну.

Нанеся тверичам несколько сокрушительных поражений и присоединив тверские земли к Москве, Иван III поручил заботу о них своему старшему сыну Ивану, который с той поры стал величаться князем Тверским. С приходом Ивана Молодого на княжение, в Твери начала чеканиться монета, на которой князь изображался героем, отрубаящим гремучей змее хвост. В традициях древней Руси, такая симво-

лика трактовалась не иначе, как победа племянника над дядей, допустившим вероломное предательство в отношении Москвы.

Отъезд молодых в Тверь счастливо отразился на судьбе Софьи.

Будучи полноправной хозяйкой в семье, она умалила гневное сердце супруга и вскоре между ним воцарился мир. Но Софья не была бы коварной «византийкой», если бы отказалась от своих планов на будущее. Лелея честолюбивые мечты о престоле для сына, она верила, что сумеет поколебать неуступчивость мужа и склонить его на сторону Василия.

Успешно складывались дела и в семье Ивана Молодого. Выйдя из-под опеки грозного родителя, молодожены впервые за долгое время почувствовали себя по-настоящему свободными. Неплохо осведомленная во внешнеполитических делах Елена, в попытке установить связи с сопредельными государствами, даже позволила себе завести свой собственный двор, подражая в этом свекрови. Так истории доподлинно известно, что княжна не только вела активную переписку с польским королем Казимиром IV, но и предпринимала активные попытки наладить контакты с Сербией.

В это еще не все!

Существуют убедительные доказательства того, что Елена, в отличие от униатки Софьи, выросшей при папском дворе, немало времени уделяла и вопросам церковного домо-

строительства, связанными с борьбой русской православной церкви за автокефалию.

Но прошло пять лет и **зимой 1490** года молодой, здоровый и полный жизненных сил князь Иван Молодой тяжело заболел. А поскольку проблемы со здоровьем у него случались и прежде, княжич хворал «камчугою в ногах» или, попросту говоря, подагрой, то лечили его, как и было заведено, свои доморощенные медики. Однако, вопреки обыкновению, ни одно из известных средств, применяемых докторами, на больного никакого целебного действия не оказывали, и тогда Иван III вынужден был обратиться за помощью к иностранным светилам.

И надо же было такому случиться, что примерно в это же самое время в Москву из Венеции по приглашению Софьи Фоминичны прибыли ее дальние родственники – братья Ралева, которые привезли с собой затребованных княгиней для большого строительства зодчих, литейщиков, пушкарей, а заодно и знатного венецианского лекаря мистера Леона.

Похваляясь своей ученостью и обширными познаниями в искусстве врачевания, лекарь самонадеянно заявил великому князю, что если ему не удастся поставить молодого господина на ноги, то он готов за свое бахвальство поплатиться головой.

Наглость чужестранца произвела на Ивана III сильное

впечатление. Стороны ударили по рукам, и вскоре венецианский жид был допущен к больному. Но один день сменял другой, а в состоянии молодого князя заметных улучшений не наступало. И напрасно лекарь, прилагая еще больше стараний, пичкал несчастного горькими отварами и обкладывал его ноги горячими склянками, вылечить княжича ему не удалось.

В гневе на самозванца и в великой скорби по любимому сыну князь Иван Васильевич приказал отрубить хвосту голову, тем более что лекарь сам назначил за жизнь своего пациента такую высокую цену.

А в это время по Москве стали, неизвестно кем, распространяться подозрительные слухи о том, что странная и неожиданная смерть молодого князя, не иначе, как дело рук ненавистной «грекини». Никто не мог поверить в то, что княжич, которому на ту пору едва исполнилось тридцать два года, умер от обыкновенной подагры. Москва была уверена, что только Софья, желая сжить своего пасынка со света, могла добавить ему в питье смертельный яд.

Заподозрил неладное в смерти сына и великий князь Иван III. И хоть никаких нитей заговора и злого умысла третьих лиц сыщикам в этой истории обнаружить не удалось, но тень сомнения в душе князя осталась. Не мог он сбросить со счетов и те давние, неприязненные чувства, которые Софья на протяжении многих лет испытывала к Ивану и даже не считала нужным их ото всех скрывать. Подозрения Ивана

III усилились еще больше, когда Софья, не дожидаясь окончания траура, потребовала объявить наследником их старшего сына Василия.

Но к каким бы уловкам и хитростям не прибегала Софья Фоминична, какими бы ласками не одаривала мужа, а в одном он оставался тверд – престол по закону принадлежит Дмитрию! Единственное, в чем он уступил жене, это отдал в кормление Василию Тверское княжество. Уступка была существенной! Но пошел на нее Иван III только потому, что после смерти супруга Ивана Молодого, Елена Волошанка – княжна Тверская, не пожелала княжить сама, а вернулась в Москву и осталась вместе с малолетним сыном Дмитрием в доме своего тестя – Ивана III Васильевича.

Смерть Ивана Молодого, если допустить, что Софья каким-то образом была к ней причастна, не принесла княгине никаких выгод, но послужила тем спусковым механизмом, который predetermined ход всех дальнейших трагических событий.

И как только Иван III объявил семилетнего внука Дмитрия своим соправителем, так все столичное общество тут же раскололось на две враждебные друг другу группировки. Одна, отстаивая законность прав прямого наследника, приняла сторону княжича Дмитрия, а вторая, симпатизируя Софье, княжича Василия. Само собой разумеется, что главные роли в этой борьбе не на жизнь, а на смерть принадлежали двум давним соперницам, двум музам одного мужчины – Елене

Известно, что в эту пору в Москве в умах и сердцах многих прогрессивно мыслящих людей, происходили большие брожения. Да и как было такому ни случиться, если соседствующий с Москвой Запад переживал трудные времена, связанные с реформацией Церкви. Основной причиной недовольства отдельных слоев населения католической Церковью стало ее моральное разложение. Церковь в лице римского Папы и монастырей владела огромными богатствами, что противоречило учению Христа о вере.

Немало вопросов к Церкви появилось и в Русской земле.

Вот и объявился сначала в Новгороде, а позже и в Москве некий монах-скитник, паломник по святым местам – Нил Сорский. В **1490** году Нил, призывая в своих проповедях духовную братию к самосовершенствованию, предложил служителям церкви добровольно отказаться от всех материальных благ, включая и земельные угодья. Последователи Нила Сорского со временем стали называться «нестяжателями».

Однако, как того и следовало ожидать, многие архиереи, отстаивая законное право Церкви на нажитую веками движимую и недвижимую собственность, встретили воззвание новгородского гостя в штыки. И хоть в пылу полемики никто не погиб, но и самому Нилу, и его сторонникам досталось изрядно.

Но прошло совсем немного времени, и вдруг выяснилось, что идеи Нила не канули в неизвестность вместе с ним, а очень даже живы, популярны и нашли живейший отклик как в среде служителей культа, так и при дворе Великого князя. Особенно они пришлись по душе Ивану III и его невестке Елене Волошанке.

Еще бы!

Ослабление Церкви, способствовало укреплению самодержавия.

Дальше – больше!

Идеи Нила Сорского были взяты на заметку и поддержаны главой Древнерусской Православной церкви митрополитом Зосимой. Противостоять таким сильным противникам было непросто!

И все-таки нашелся в Новгороде один закоренелый ортодокс по имени Иосиф Волоцкий, который не побоялся и вступил с «нестяжателями» в открытую борьбу. Сторонники Иосифа, отстаивающие имущественные накопления Церкви, стали называться «иосифлянами». Сам по себе протест Волоцкого ни Ивана III, ни его окружение не задевал до тех пор, пока в нападках «иосифлян» ни прозвучал вполне прозрачный намек на то, что в самом сердце княжества завелась крамола и что крамольники, являясь членами некоего тайного кружка, проповедуют многие ереси.

Тень подозрения пала на членов великокняжеского семейства и его близкое окружение.

Однако никому в Москве до этих ересей никакого дела не было! Москва **1492** год жила тревожным ожиданием нового апокалипсиса, нового конца света. Ведь, согласно древнерусскому летоисчислению, в **1492** году заканчивалась седьмая тысяча лет «от сотворения мира», а вместе с ней заканчивалась и сама жизнь на земле. Этим годом ограничивались и все расчеты церковных праздников («пасхалии»), потому как считалось, что далее они никому не понадобятся, не будут нужны, ибо мир навсегда погрузится в ужас, мор и мрак!

Но на следующий день – **1 сентября нового 1493** года, когда солнце снова взошло на небо и люди с радостью обнаружили, что они все еще живы, мир светел и ничего непоправимого не случилось, жизнь завертелась как обычно.

Первыми пришли в себя «иосифляне». Подогреваемые своим вождем Иосифом Волоцким, они развернули широкую компанию по искоренению в столице жидов и веротступников. Но если для замаху на княжескую семью им не хватало пороха, то для митрополита Зосимы его оказалось в самый раз. Немало потрудились «иосифляне» и над сбором неоспоримых доказательств вины и недостойного служения архипастыря. Тем более, что в страшные времена средневековья обвинить человека в крамоле и ереси было делом обычным и никого особого труда не составляло.

В конце концов, избегая дальнейшего обострения борьбы с «иосифлянами», Иван III свел Зосиму с престола, сослав

его сначала в Симонов монастырь, а потом и на Белоозеро – в духовную цитадель нестяжательства.

Но если бы докучливые «иосифляне» удовлетворились одной только этой жертвой! Так нет! Иосиф Волоцкий жаждал большой крови и искал еретиков повсюду, даже и в великокняжеской семье. Почувствовав в лице «иосифлян» ту единственную и необходимую поддержку, в которой она, развивая борьбу с Еленой, так давно нуждалась, Софья стала оказывать им посильное содействие.

Но сколько бы гонители еретиков не кружили вокруг Елены, а ничего существенного им выкружить не удалось. Все их обвинения сводились к одному, что Волошанка поддерживала знакомство с неким жидом по имени Схария, а значит, разделяла его еретическо – схоластические воззрения, которые получили распространение в обществе. Однако, обвинить княжну публично «иосифляне» не смели, понимая, что в таком случае в равной степени с ней виновным окажется и сам Великий князь Иван III. Как стало известно, он тоже неплохо знал Схарию, в течение многих лет вел с ним переписку и даже приглашал его к своему двору на службу.

Но был ли Схария на самом деле тем опасным еретиком и крамольником, каким его себе воображал Иосиф Волоцкий?

Многое из того, что сегодня известно о Схарии, свиде-

тельствует о том, что он был по-своему выдающимся человеком своего времени. Сын знатного и богатого генуэзца Винченцо де Гизольфи Заккария-Схария пользовался большой известностью на Руси, но не только потому, что был генуэзцем. Так в своих письмах Иван III именуется всякий раз по-новому: то «фрязином» (то есть по-древнерусски итальянцем), то «черкасином» или «евреянином», то «жидовином» или «таманским князем».

И это не случайно!

Известно, например, что отец Заккарии, Винченцо, развивая торговые дела на Таманском полуострове, вступил в **1419** году в брак с черкесской княжной Бике-ханум, что и позволило их сыну, названному Заккарием, носить титул и занимать положение «князя Таманского».

Далее следы Заккария Гизольфи обнаруживаются уже в Константинополе, где судьба свела его с еврейским проповедником – раввином Коматяно, который и напичкал его голову всякой иудейской ересью.

Проведя в путешествиях по белу свету большую часть своей жизни, князь Таманский почерпнул немало разнообразных знаний как в Западной, так и в Восточной культуре. Так он приобрел славу всесторонне образованного человека. Существуют неопровержимые доказательства того, что Схария свободно владел несколькими языками: итальянским, черкесским, русским, латинским, татарским и еврейским.

На Русь в Великий Новгород Заккария прибыл в **1470** го-

ду вместе с литовским (ранее киевским) князем Михаилом Олельковичем, который, к слову сказать, был родным братом супруги Стефана Великого Молдавского, Евдокии Олельковны, а значит, родным дядей Елены Стефановны Волошанки. Можно с большой долей вероятности предположить, что, скорее всего, именно Стефан, «отрекомендовал» Закарию своему будущему шурину Ивану III, как прелюбопытнейшего человека, и тот, в свою очередь, проявил к нему живой интерес.

Как бы там ни было, но в Новгороде Схария-Закария появился в качестве образованного и богатого аристократа международного уровня, а, может быть, даже и главы государства, имевшего немалое геополитическое значение, поскольку Таманский полуостров был узловым пунктом на одном из важных торговых путей из Европы в Азию.

Часто бывая в доме молдавского господаря и охотно демонстрируя его домочадцам и гостям свои обширные познания в различных областях знаний, Схария просто не мог ни впечатлить юную, очаровательную и жадную до всего необычного и нового дочь хозяина – Елену. Устоять и не восхититься чужестранцем, а, более всего, всем тем таинственным и запретным, о чем Схария умело и с большим изяществом говорил, было по силам разве что только безголовому истукану.

В изобретенной Схарией теории гармонично переплетались как оккультные, так и эзотерические науки, успешно со-

четающие в себе мистику, многие элементы язычества, астрологию, чародейство, чернокнижье и гадание по звездам.

Поманили и увлекли за собой лукавые речи Схариин не только наивную и доверчивую княжну, но и умудренного жизненным опытом московского князя Ивана III, и его близких людей, из которых посольский дьяк Федор Курицын даже возглавил тайный кружок, исповедующий лжеучение Схариин.

Однако, до той поры пока, так называемые, вероотступники не затрагивали в своих увлечениях канонических основ христианства, Церковь поглядывала на их забавы сквозь пальцы. Но стоило только еретикам покуситься на имущественные права святых отцов, как те тут же ощерились и объявили им войну не на жизнь, а на смерть.

По сути дела, проповедь Нила Сорского, положив начало серьезному и глубокому конфликту между «нестяжателями» и «иосифлянами», предопределила на многие годы вперед целевую программу Царства по секуляризации церковной собственности.

Идея об изъятии у Церкви земельного и иного имущественного владения в пользу государства показала Ивану III настолько привлекательной, что он ни под каким предлогом не желал от нее отказываться, а, значит, и не спешил выдавать своих сторонников «иосифлянам».

Борьба с еретиками, которая завершилась церковным собором, осудившим еретиков и саму ересь, выявила острые противоречия внутри политических группировок, которые сформировались вокруг великокняжеского престола.

С одной стороны это было окружение вдовой княгини Елены Стефановны, которая тяготела к расширению связей с Центральной Европой и стояла на позициях укрепления княжеской власти, а с другой стороны – окружение Софьи Фоминичны, которая, находясь под влиянием Рима, проявляла интерес к католической Германии и Литве, всячески способствуя усилению авторитета Церкви.

Затишье в борьбе с ересью наступило в сентябре **1494** года. Именно в это время князь, дабы пресечь разгоревшуюся кампанию по отлову и преследованию еретиков, отправляет думного дьяка Федора Курицына – руководителя московского кружка еретиков в Литву с поручением сосватать старшую княжескую дочь Елену Ивановну за Великого литовского князя Александра.

Подготовка княжеского двора к свадьбе, поумерив полемический пыл ортодоксов, позволила Ивану III немного передохнуть и переключиться на решение насущных проблем. Желая выказать себя перед будущим зятем примерным семьянином и, что более важно, христианином, исповедующим греческую – православную веру, князь восстановил прерванные после смерти Ивана Молодого супружеские отношения с женой.

В общем-то, сам по себе женский вопрос: «Какую из двух женщин предпочесть?» волновал Ивана III менее всего. В конце концов, он мог себе позволить и лишнее! Разногласия между супругами развивались не на почве ревности, как это можно было бы предположить, а на различиях во взглядах на многие государственные вопросы и в том числе на проводимую великим князем политику. И если Елена Волошанка, оставаясь правой рукой тестя, поддерживала его курс на усиление самодержавной власти Царства, то Софья, воспитанница папского двора, защищала автократию Церкви, выступая, в этом смысле, на стороне «иосифлян».

А между тем предстоящий брак великокняжеской дочери Елены и Александра таил в себе немало сложностей. По условиям брачного контракта, князь Александр, исповедующий католическую веру, должен был отказаться от любого противодействия супруге и не принуждать ее к измене православного закона. Для России этот пункт договора был очень важным, так как, превращая Елену Ивановну в своеобразный центр православия за границей, он еще и способствовал, по задумке Ивана III, объединению вокруг нее всех православных верующих Литвы. Конфликт между официальной католической церковью и самостийной православной диаспорой, который неизбежно возник бы по целому ряду причин, был нужен России как повод для развязывания новой войны за господство над Балтикой.

Однако, за долгим сватовством, трудными переговорами и звоном свадебных колоколов Иван III проглядел главное – разлад в собственном доме. Улучив удобный момент, Софья вместе с сыном Василием, опираясь на преданных им людей, подготовили государственный заговор, направленный как против внука-Дмитрия, так и против самого князя. Суть заговора сводилась к следующему: пока Василий, прихватив с собой великокняжескую казну, хранящуюся в Вологде и Кириллове, будет скрываться на Белоозере, Софья, отравив Дмитрия и используя захват казны, как козырь, продиктует супругу свои требования.

Правда, и план, и сама мысль о заговоре возникли в хитромудрой голове Софьи Фоминичны не вдруг, а под давлением сложных жизненных обстоятельств. Ведь, как ни старался князь сохранить в глубокой тайне от жены свое намерение венчать еще не достигшего совершеннолетия внука Дмитрия шапкой Мономаха, ей о том стало известно. В отчаянии Софья кинулась за помощью к колдуньям и знахаркам.

В декабре 1497 года злой умысел Софьи был раскрыт, и она вместе с княжичем Василием снова оказалась в опале. Заключение супругу и сына под домашний арест, Иван III не пощадил никого из ее сообщников. Особую немилость он проявил к ворожеям, тем, что приготовили для его внука ядовитое зелье. Обыскав лихих баб, он приказал утопить их

в Москва-реке.

Продемонстрировав еще раз и Боярской думе, и Церкви свое твердое намерение продолжать политику укрепления великокняжеской власти и государственного управления, Иван III **4 февраля 1498** года торжественно венчал в Успенском соборе Кремля своего внука Дмитрия на царство. Церемония венчания молодого пятнадцатилетнего князя во всех подробностях повторяла обряд коронации византийских императоров.

Пышные праздничные торжества, устроенные Иваном III, привлекли в Москву многих важных особ как из числа духовенства, так и светских лиц – бояр, князей, дворян, зарубежных гостей и послов, а более всего зевак – простого московского люда.

Да, и посмотреть было на что!

В истории Российского государства венчание самодержца на царствование так широко и шумно отмечалось впервые! И, быть может, не случайно именно Дмитрий – внук двух великих современников, наследник двух великих дедов, которые вошли в историю под именами Стефана III Великого и Ивана III Великого, положил начало новой традиции, которой будут придерживаться в будущем все последующие правители России.

Казалось, что с коронацией Дмитрия, долгий поединок двух великих женщин завершен, и лавры победительницы справедливо достались молодой и красивой Елене Волошан-

ке.

Внешне все именно так и выглядело.

Но уже в следующем **1499** году многое в их позициях переменилось.

Немало усилий прилагал Иван III к тому, чтобы скрыть от своего литовского зятя истинный характер отношений, которые сложились на тот момент между членами его семьи. Но прошло время и правда, не без участия Софьи, открылась. Принимая во внимание то обстоятельство, что великая княгиня Софья и ее сын Василий отстранены от участия в государственных делах, а сам великий князь, уклоняясь от фундаментальных основ православия, замешан в какой-то грязной истории с еретиками, Александр Каземирович посчитал себя вправе усилить давление на жену и принудить ее к принятию католичества.

Подобный поворот событий не устраивал Ивана III.

Загнанный в угол прозвучавшими в его адрес обличениями со стороны Александра, Иван III вынужден был на них правильно отреагировать. Выпустив Софью и Василия из-под домашнего ареста, князь, повинувшись эмоциональному порыву, отдал распоряжение о разгоне тайного общества. Более того, повинувшись желанию князя, в Москве были устроены показательные казни самых активных его участников, в число которых попал и Федор Курицын. Но в глубине души

Иван III еще надеялся, что ему удастся избежать радикальных политических перемен и кадровых перестановок.

Совсем иное мнение на этот счет было у Софьи Фоминичны. Выйдя на свободу и правильно оценив расстановку сил в русско-литовских отношениях, Софья с прежней энергией принялась за мужа. Внушая Ивану изо дня в день одну и ту же настойчивую мысль о том, что интересы царства требуют того, чтобы их сын Василий занял в государстве приличествующее ему высокое положение, она запросила для него полцарства.

Имелся у Софьи в запасе и еще один не менее убедительный довод. Знала она, что согласно державной традиции, великий князь, передавая престол наследнику, должен был позаботиться и о других сыновьях.

Как?

Отписать им в управление удельные княжества. А коли так, то почему бы не отдать Василию в удел города Псков и Новгород со всеми прилежащими к ним землями, тем более, теперь, когда репутация князя подмочена и нуждается в реабилитации.

Князь понимал, что Софья права, но его мучил вопрос, как на это посмотрят бояре. Ведь в своей речи во время коронации внука он сам провозгласил, что «благословляет при себе и после себя великим княжеством Владимирским, Московским, Новгородским и Тверским своего внука Дмитрия», которого ему Бог дал вместо сына. Нет, не мог, не имел права

Иван III Васильевич отказаться от своего княжеского слова и отнять у наследника титул великого князя Новгородского. На соблюдении правовой этики настаивало и руководство Боярской думы. Понимая, что миром вопрос о разделе государства не решить, князь приказал арестовать главных своих противников – министра иностранных дел князя Патрикеева, двух его сыновей и зятя.

Арест таких важных вельмож, как бояре Патрикеевы, напугал и заставил остальных членов Боярской думы быть поговорчивей.

Весной **1500** года Иван III отдал Василию в удел и Псков, и Новгород. Правда, что касается Пскова, то права Василия на этот город так и остались на бумаге. Решение Москвы о разделе государства на уделы и о передаче Пскова Василию, взбунтовало горожан, которые уже успели принести присягу на верность Дмитрию. Город отправил в Москву послов, чтобы они, призвав великого князя «соблюдать свою отчизну в старине», объяснили ему и то, что посадники и вече признают только одного государя, того, который сидит на московском троне.

Принимая во внимание то, что Псков является важной стратегической областью и стоит на стыке границ двух государств Ливонии и Литвы, Иван III поостерегся накануне подготавливаемой им войны осложнять с послами отношения.

Перестановка политических сил, которую Иван III произвел при дворе, давала непонятливым понять, что западный вектор во внешней политике князя становится преобладающим и что политико-династический брак, заключенный между Москвой и Литвой, целью которого являлось сохранение мира между двумя странами, не выполнил своей задачи. И хоть в грамотах великого князя, мобилизующих мужское население державы на войну, все еще упоминалось имя Дмитрия, но это уже почти ничего не значило. Время триумфа Елены Волошанки неуклонно катилось к исходу и, отправляясь на войну со своим зятем Александром, Иван III взял с собой не внука, а старшего сына Василия. Именно он должен был продемонстрировать православному населению Литвы, что все слухи о разногласиях в княжеской семье ложны и что Москва никогда не уклонялась от веры своих отцов и дедов.

В этом аспекте всякое упоминание о Елене Волошанке и Дмитрие внуке, а тем более их присутствие во дворце компрометировали князя и уличали в лицемерии. Каждый понимал, что в случае победы великий московский князь Иван III Васильевич должен будет предстать перед гонимым и униженным православным населением Литвы не только освободителем и защитником, но и примерным православным христианином, мужем и отцом!

В ноябре **1501** года русские войска одержали первую крупную победу под Мстиславлем, а на рубеже **1501—**

1502 гг. начали успешные военные наступления на территории Ливонии. Демонстрируя Западному миру силу и мощь русской армии, Иван III, опасаясь за свой авторитет и заботясь о том, чтобы сведения о его личной жизни не просочились через границу, приказал 11 апреля **1502** года взять Елену Волошанку и ее сына Дмитрия под стражу.

А еще через три дня, благословив Василия на «великое княжество Владимирское и Московское», Иван III провозгласил его самодержцем всея Руси.

Однако, наслаждаться победой над своей соперницей Софье посчастливилось недолго, она умерла ровно через год в апреле **1503** года. А в **1505** году не стало и Ивана III. Но перед своей кончиной он не только успел попросить у своей невестки и внука прощения, но и выпустить их из заточения на свободу. Правда, уже на следующий день после погребения деда, Дмитрий был по приказу Василия арестован и заключен в темницу, теперь уже до конца своих дней в **1509** году.

Но, должно быть, долгая и напряженная война за власть, а если смотреть глубже, то и за будущее России, обескровила всех ее участников.

Елена Волошанка покинула этот мир в **1505** году.

Потомки Софьи Палеолог постарались и сделали все для того, чтобы ее имя, канув в глубины истории, было надолго, а то и навсегда забыто.

Но, принимая во внимание все то небольшое, что скоротеч-

ное время бережно сохранило для нас, можно с полной уверенностью заявить, что Елена Волошанка была женщиной исключительной и, находясь в самом центре политической, культурной и интеллектуальной жизни Древней Руси, занимала в ней не последнее место.

И даже тот факт, что как только Василий III Иванович, узурпировав престол и избавившись от соперника, привлек на свою сторону **в 1510** году всех тех, кто уцелел от партии Елены – сторонницы укрепления самодержавия свидетельствует в ее пользу.

По сути дела, Елена Волошанка, вдохновленная духовным подвигом и проповедью великого подвижника Нила Сорского о «нестяжательстве», превратила его идеи в прогрессивную государственную программу.

Вот только претворить эту программу в жизнь ей так и не удалось!

КУЧЕНЕЙ ТЕМРЮКОВНА

Немало страшных и драматических страниц нашей отечественной истории связано с именем черкесской горянки Кученей – дочери кабардинского князя Темрюка. Она была еще совсем маленькой девочкой, когда адыгские князья, ища защиты и покровительства у Москвы, впервые в **1552** году прибыли ко двору Ивана Грозного. Низко склонив голову перед московским государем, гордые горцы, целуя ему крест, униженно просили, чтобы он «взял их себе в холопы» и «оборонил» от крымского хана. А за это они обещали Ивану, что всею землей черкасскою будут верно служить России, не щадя живота своего. Однако, учитывая сложившуюся на тот момент политическую обстановку, Грозный вынужден был отказать адыгскому народу в защите.

Прошло три года, и в **1555** году в Москву прибыло второе посольство от северокавказских народов. Теперь оно насчитывало порядка 150 человек, и возглавляли его жанеевские князья. Но и это посольство покинуло столицу московского княжества ни с чем.

И только третья попытка горцев, предпринятая верховным князем Кабарды – Темрюком Идаровым в **1557** году, оказалась удачной и завершилась заключением взаимовыгодного военно-политического союза между Кабардой и Россией. Один из пунктов этой устной договоренности гла-

сил, что Кабарда берет на себя обязательства ежегодно доставлять в Москву тысячу породистых кабардинских лошадей-аргамаков, а в военное время поставлять в русскую армию 20-тысячную конницу.

Следует заметить, что адыгские посольства **1552—1557** гг. представляли не только племена кабардинцев, но и жанеевцев, бесланеевцев, абазин и других народностей. А если принять во внимание, что Кабарда в середине XVI века состояла из ряда обособленных феодальных княжеств, то можно заключить, что союз России с Кабардой, представлял собой не что иное, как союз между русским правительством и по-прорусски настроенной кабардинской феодальной знатью.

Как бы там ни было, а накануне войны с Ливонией, планы которой Иван Грозный уже вынашивал в своей голове, этот союз оказался более чем своевременным.

Однако по причине большой раздробленности Кабардинского княжества и серьезных разногласий между удельными князьями, никакого официального документа о вхождении Кабарды в состав России на тот момент не существовало, да и не могло существовать, поскольку даже границы этого территориального образования были никому неизвестны! Просто Темрюк, как наиболее влиятельный из адыгских владетелей, принес России присягу и признал свою вассальную зависимость от нее, а в качестве залога и доказательства верности, отправил русскому царю своих детей – сына Салтан-

кула (названного в святом крещении Михаилом) и дочь Гошаней (в русском произношении Кученей).

Приезд молодых Темрюковичей в Москву совпал по времени со скорбным событием – царь Иван Грозный носил траур по своей первой и горячо любимой жене Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, умершей **7 августа 1560** года. Вот только скорбь эта имела настолько необычный характер, так как уже на восьмой день после погребения царицы, митрополит Макарий, не одобряя буйной и разгульной жизни своего воспитанника, обратился к царю с просьбой поскорее жениться вторично. Настаивала на этом и близкая родня вдовца со стороны его первой жены – бояре Романовы. Рассчитывая сохранить свое первенство при дворе, они посоветовали Ивану взять невесту не из боярских домов, а поискать ее в иных землях, нашептывая при этом, что жена-иностранка не только возвысит авторитет царя в глазах мирового сообщества, но и внесет свежую струю крови в династическое потомство.

Так оно было на самом деле или нет, но в один из дней Иван IV поставил митрополита в известность о том, что отправил посланников для выбора подходящей спутницы жизни в три государства: Литву, Швецию и Кабарду. Более всего Грозный склонялся к литовскому браку, который бы способствовал решению многих дипломатических проблем и,

главным образом, успешному завершению Ливонской войны, превратившейся из победоносного блицкрига в затянувшееся на годы военное предприятие, высасывающее из страны огромные людские и сырьевые ресурсы.

И когда брачные переговоры Москвы с Литвой завершились полным провалом, Грозный вспомнил о кабардинской княжне Кученей, проживающей в одном из теремов вблизи Кремля. Смотрины, которые царь устроил своей избраннице, были недолгими. Молодая восемнадцатилетняя дочь Кабарды, черноглазая, смуглолицая, тонкая и стройная, как лоза, приглянулась тридцатилетнему Ивану с первого взгляда. Именно такой гордой, смелой, с высоко поднятой головой и пронзительным взглядом представлялось ему в мечтах новая царица.

Понравился Ивану Грозному и ее старший брат Салтанкул.

Объявив собравшимся в дворцовом Благовещенском соборе боярам и духовенству о своем выборе, царь приказал святым отцам готовить иноземку Кученей к православному крещению и по древнему русскому обычаю подарил невесте золотое кольцо и платок, унизанный жемчугом. Но, несмотря на публичное оглашение предстоящих свадебных торжеств и сопутствующих им мероприятий, счастливое воссоединение жениха и невесты должно было состояться никак не раньше окончания объявленного по царице Анастасии траура. Таков был обычай! Таковы были нормы прили-

чия! Однако похотливый и разнузданный в своей страсти правитель, не утомляя себя долгими ожиданиями, более года продержал Кученей на своей половине двора в качестве наложницы.

Гибкая, дикая, своенравная, как молодая козочка, кабардинка буквально сводила Грозного с ума. И если добродетельная царица Анастасия славилась в народе добротой и целомудрием, то дочь Темрюка очень скоро приобрела славу бесстыдной и порочной блудницы.

Наконец, так и не дождавшись окончания траура, **2 августа 1561** года митрополит Макарий собственноручно в кремлевском Успенском соборе обратил иноверку – мусульманку Кученей в православие и нарек ей имя Мария. После завершения торжественного обряда крещения, влюбленный жених, как и повелось издревле, преподнес своей избраннице золотой крест-складень, а царевичи Иван и Федор вручили своей будущей мачехе кресты, украшенные алмазами и жемчугом. Ровно через месяц, 3 сентября, многоголосый и переливчатый звон всех пяти тысяч колоколов, установленных на колокольнях столичных церквей и соборов, привел в трепет заспанных москвичей. Это митрополит всея Руси Макарий венчал молодых – царя Ивана Васильевича и черкесскую княжну Марию Темрюковну в «соборной и апостольской церкви Успения» законными узами брака.

Но, как ни странно, Мария, будучи венчанной на царство, так и не приобрела статуса русской государыни ни у себя в государстве, ни вне его. Из путевых заметок английского посла Дженкинсона, пребывающего в то время в Москве, становится известно, что «и чин этой свадьбы, и обстоятельства ее сопровождавшие, проводились с большими предосторожностями. Пред свадьбой царь не допускал к себе никаких иностранцев, даже послов. Кроме того, царь повелел, чтобы в продолжение трех дней, пока будет праздноваться это торжество, городские ворота оставались запертыми, и чтобы никто: ни иноземец, ни русский не выходил во все время этого торжества из своего дома».

Очевидно, не доверяя своему близкому окружению и опасаясь заговора бояр против ненавистной им кабардинки, Иван Грозный подстраховался и принял кое-какие меры безопасности. Такое странное поведение царя, по большей части, объяснялось той маниакальной подозрительностью, которую он испытывал в последнее время к своим соратникам – Андрею Курбскому, Алексею Адашеву и духовнику – протопопу Благовещенского собора Сильвестру. Умышленно обвинив первых лиц правительства в отравлении «пречистой голубицы» Анастасии, Грозный, изрядно тяготившийся их чрезмерной опекой, использовал смерть жены, как повод для избавления от властолюбивой тройцы.

Хотя, на самом деле, царь Иван был более других повинен в преждевременной кончине дорогой его сердцу Анаста-

сии. Здоровье царицы, и без того подорванное частыми родами и скорбью об умерших во младости лет детях, подверглось неоправданному риску еще и во времена долгих и утомительных паломничеств по монастырям и суетным выездам на охоту. Так было угодно царю. Он любил, чтобы супруга и дети были всегда при нем.

Так было и в **начале октября 1559** года, когда Иван принудил уже больную жену и двух царевичей: Ивана, родившегося в **1554** году, и Федора, родившегося в **1557** году, ехать с ним в Можайск. Но, едва ли, ни сразу по прибытии на место, царь, получив срочное донесение из Москвы о нарушении ливонской стороной заключенного недавно двустороннего перемирия, отказался от своих планов и, в досаде, приказал всем собираться и готовиться к немедленному возвращению в столицу. Однако из-за проливных осенних дождей, дороги оказались настолько размытыми, что местами превратились в непроходимые топи. Только 1 декабря царское семейство вернулось в Москву в тепло и уют домашнего очага. И хотя, в целом, долгое и трудное путешествие завершилось для всех удачно, но вскоре после возвращения Анастасия, почувствовав себя плохо, слегла и более уже не поднялась. Толпы народа, богатые и бедняки, плача и причитая, провожали в последний путь государыню Анастасию, вспоминая о ее скромном и незлобивом нраве.

Новая царица, не в пример покойнице, напротив, даже и не пыталась скрыть от окружающих свой жестокий и коварный характер. Выросшая среди кавказских гор, с детства приученная стойко переносить боль, жизненные невзгоды и страдания, Кученей не ведала ни стыда, ни жалости, ни страха. Опасность, риск, игра – вот что по-настоящему ее возбуждало! Вынужденная вместе с отцом и братьями с оружием в руках защищать свою честь и дом, Мария жила в постоянном ожидании нападения, никого не любя и никому не доверяя. Ее гордая и независимая натура горянки жаждала бури и свободы. Тихая и домовитая теремная жизнь замужней женщины была для нее скучна и невыносима. В попытке найти, хоть какое-то достойное для себя занятие, Мария охотно появлялась в стольной палате, с восторгом присутствовала на медвежьих травлях и даже, к ужасу бояр, с высоты кремлевских стен наблюдала за кровавыми публичными казнями.

Да и в светлице Марии Темрюковны не было ничего, что могло бы напоминать о прежней хозяйке. Неприученная ни к какому женскому ремеслу, она очень скоро избавилась и от ткацких и вышивальных станков, и от пальцев, и от многих других рукодельных премудростей. Исчезли из покоев бесноватой черкешенки и церковные покрывала, шитые жемчугом, и иконы, наводящие на нее тоску и уныние. Воспитанная грубо, по-мужски, она признавала только свои восточные ковры, да охотничьи трофеи, развешанные в виде чучел

по стенам светелки.

Не трудно догадаться, что бояре тут же невзлюбили новую царицу, но и она, не оставаясь перед ними в долгу, отвечала им враждебной взаимностью. Единственный человек, с которым ей удалось найти общий язык и установить доверительные отношения, был царский лекарь Елисей Бомелий. Но и его авторитет в глазах черкешенки держался не на талантах, проявляемых им в искусстве врачевания, а на умении изготавливать чучела. Хотя, помимо любви к препарированным животным и птицам, было у этих двоих, совершенно непохожих друг на друга людей, и кое-что общее. Оба они были в Москве чужаками, оба мало понимали русский язык и традиции приютившей их страны, а, главное, запертые в кремлевских стенах, как в клетке, они задыхались от недостатка свободы и простого человеческого общения.

Выпускник Кембриджа Бомелий, легко усвоив черкесский язык, охотно поддерживал с молодой царицей шуточные разговоры. Но, как бы ни был словоохотлив царский медик, а о главном своем ремесле он не обмолвился своей подруге ни словом. Не рассказал он ей и о том, что за колдовство и всякого рода пророчества был у себя на родине в Англии арестован и заключен в тюрьму. Все, что Кученей удалось узнать о мужнем лекаре, так это то, что он прибыл в Россию на корабле, что, восхитив Ивана Грозного глубоки-

ми познаниями в медицине и астрономии, был оставлен при дворе пользоваться как самого царя, так и всех членов царской семьи. Впрочем, на самом деле, главная причина успешной карьеры Бомелия объяснялась достаточно просто, ведь это именно он в секретных лабораториях Кремля изготавливал ядовитые зелья для опальных вельмож, утративших доверие и расположение Ивана Грозного. Заботам этого «лютотого волхва», как называли царского лекаря в народе, и была поручена молодая государыня Мария Темрюковна.

Появление Марии во дворце совпало по времени с разгромом Иваном Грозным «собацкой власти» опостылевших ему опекунов. Так Алексей Адашев был посажен в тюрьму, где вскоре и умер, Сильвестр принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Спиридона, а Курбский, не дожидаясь неминуемой расправы, своевременно сбежал в Литву. Понимая, что в новых политических условиях у них нет будущего, побег за границу предприняли и многие другие видные бояре из числа сторонников опального правительства. Пытаясь остановить стихийно возникший поток перебежчиков, Грозный приказал выставить на кордоне посты.

Предательство бояр, в числе которых были и видные военачальники, привело царя в бешенство. Их подлая и корыстолюбивая натура была ему, ой, как хорошо известна! Оставшись в три года без отца, он – великий князь, опекаемый матерью Еленой Глинской и ее любовником, нередко

сталкивался и с боярской неправдой, и боярскими кознями. Знал он, уверен был, что и смерть матери была на их совести! Только, разве есть у бояр совесть? Девять долгих лет Шуйские да Бельские хозяйничали в Кремле и в стране, как в своих вотчинах, правили от его имени, помыкая и не почитая в нем высокого происхождения.

И так до самого совершеннолетия, до венчания на царство!

Но и после коронации вырваться их цепких и ухватистых рук бояр ему так и не удалось! Просто на смену одним опекунам тут же пришли другие. Пусть лучше и достойнее первых, но и они оказались путами, тяжкими оковами на его ногах. Он устал, давно устал от их диктата, контроля, от их постоянного присутствия в его жизни.

Свобода! Вот чего желал Грозный более всего.

В этом отношении гордая черкешенка, смело презревшая все писанные и не писанные законы патриархального московского общества, вызывала не только его искренне восхищение, но и ничем не прикрытое любование.

Чувствуя особое расположение царя, Мария, рассчитывая привязать к себе супруга еще прочнее, не только потакала всем его низменным и пагубным для здоровья склонностям, но и принимала в них непосредственное участие. Испушенная в самых тонких вопросах плотской любви, она

невольню наталкивала Ивана Грозного на мысль, что есть в ее недавнем прошлом такое, о чем он может только догадываться. Одурманенный вином и сладким ядом чувственных наслаждений царь превратил и свой двор, и терем царицы в один большой вертеп разврата. И напрасно кое-кто из старой боярской гвардии, пытаясь вразумить государя, напоминал ему о приличиях и благоразумии, к которым его обязывал и высокий чин, и благородство крови, Грозный либо жестоко высмеивал смельчака, либо, прибегая к насилию, превращал его в невольного участника безумных содомских оргий.

Все с тем же восторгом разделяла Мария Темрюковна и дневные досуги мужа, будь то медвежья потеха или публичная казнь. Стоны, кровь, страдания, боль только еще больше возбуждали ее и заставляли искать новых чувственных наслаждений.

Постепенно влияние Марии распространилось не только на царя, но и на новых лиц, появившихся в его окружении. Малюта Скуратов, Федор Басманов, Богдан Вольский, Василий Грязной, князь Афанасий Вяземский, вытеснив прежних любимцев царя, окружили Грозного плотной стеной, не подпуская к нему иных охотников до царских милостей. Никому неизвестные прежде, худородные и бесталанные, они легко и весело пускались вместе с Иваном Грозным «во все тяжкие», и, повинувшись его очередному капризу, запросто превращались из закадычных собутыльников в то-

варищей его ночных забав или в партнеров по блуду.

Одной из самой любимых потех государя была охота на девиц. Проезжая по грязным переулкам Москвы, он приказывал хватать каждую, из приглянувшихся ему красавиц, будь то простолюдинка, или дочь почтенного гражданина города. Несчастных пленниц прямо с улицы привозили во дворец, а ночью перепуганных и полураздетых отдавали сначала на забаву царю, а потом его холоум на поругание. Хуже всего приходилось строптивым и несговорчивым, их ломали, брали силой, а потом просто выбрасывали – зимой на мороз, а летом в топкую болотную жижу.

Нередко, уступая просьбам своего похотливого супруга, Мария одалживала ему и какую-нибудь из своих служанок, зацепивших Грозного за ретивое. Обласканные своей госпожой и утратившие последние остатки стыдливости они, как эстафетные палочки, переходили из постели государыни в постель государя.

Наконец, в **1563** году Мария родила царю сына, названного Василием. Но даже рождение ребенка не растопило ее каменное сердце. Бросив сына на попечение нянек и кормилец, она продолжала гулять и веселиться так, будто и не была молодой матерью. Прожив на белом свете чуть больше месяца, маленький и никому не нужный Василий умер тихо и незаметно, не вызвав о себе ни в ком из своих близких особого

сожаления.

Трудно установить точно, как и по какой причине, протрезвев однажды от очередной попойки, Иван Грозный почувствовал вдруг, что в его окружении твориться что-то неладное. Но то, что враги у него есть и что все они заседают в Боярской думе, он знал наверняка. Бояре, вот, кто мешал ему, по-настоящему, быть свободным. Отношения между царем и Боярской думой испортились давно, едва ли не с самого первого дня Ливонской войны. Но, пока дела на фронте складывались успешно, и русские войска добывали одну победу за другой, бояре терпели и с царем не ссорились, надеялись, что война скоро закончится, и жизнь в царстве вернется в прежнюю колею.

Однако, вопреки ожиданиям, характер Ливонской войны очень скоро переменился, и из легкой увеселительной прогулки она превратилась в прожорливого и ненасытного монстра, который непрерывно заглатывал и поглощал все, имеющиеся у государства в наличии ресурсы. Сильно ударила война и по личному кошельку граждан. Денег в казне катастрофически не хватало, а цены на продукты питания все росли и росли. Экономика страны резко пошла на спад. Мириться с такой ситуацией бояре, естественно, не захотели и потребовали от царя свертывания всех военных операций.

Пораженческое настроение бояр пришлось царю не по нраву.

Вот тогда-то он и придумал, что нужно сделать, чтобы

слоमितь сопротивление бояр и добиться от них повинования. **3 декабря 1564** года, никому и ничего не объясняя, царь вместе с семьей демонстративно покинул Москву и, прихватив с собой царскую казну, иконы и другие ценности, переселился в Александрову слободу. Укрепив стены и башни своей новой резиденции пушками, Иван отправил в столицу гонца с письмом, в котором уведомлял и нового митрополита Афанасия, заменившего на этом посту умершего Макария, и бояр, что вынужден оставить трон и искать подбающего ему места для уединения. В этом же письме, не выбирая выражений, царь обвинил Боярскую думу в страшных преступлениях: в разграблении государственной казны и в уклонении от военной службы.

Но одновременно с этим письмом посланник Ивана IV привез в город и другое сочинение царя, адресованное купцам и простому люду, в котором в самой доходчивой форме заверял народ в своем отеческом к нему расположении. Это письмо Иван IV приказал зачитать на площадях публично.

Опасаясь угрозы народного восстания, подстрекаемого самим царем, правящая элита готова была пойти с Грозным на мировую. Прибывшие в Александрову слободу послы и архиепископ Новгорода и архимандрит Чудова монастыря просили царя от лица всего народа, простить всех виноватых перед ним, не оставлять трона и править по своему усмотрению, милуя или наказывая предателей по своему разумению.

Победа над оппозицией далась Ивану Грозному нелегко. О том, чего ему это стоило, становится ясно из донесения ливонца Иоанна Таубе, отметившего, что ко времени своего возвращения в Москву в феврале, царь потерял все волосы на голове.

5 января, великодушно простив духовенство, бояр и народ, царь в специальном указе перечислил ряд принципиальных условий, на которых он только и мог вернуться на трон. По сути дела, все они сводились к одному, к установлению в государстве диктатуры. Однако, помимо требования полной и неограниченной свободы, царь одновременно извещал своих недругов и о том, что создает внутри государства свой собственный отдельный (опричный) двор, подобный земскому. Фактически, царский указ от 5 января провозгласил в стране двоевластие: царскую опричнину и боярскую земщину, которая все равно подчинялась самодержавной власти царя.

Желание Ивана Грозного раздробить единое и целостное государство на две административно-территориальные единицы внесло большое смятение и в умы, и в души просвещенного московского общества. Что все это значило, открылось скоро. В действиях государя усматривался очень четкий восточный след. Ведь неслучайно главой опричного войска царь назначил никого-нибудь из своих, а брата второй

жены – Михаила Темрюковича Черкасского, женатого, кстати, на дочери знатного боярина Василия Юрьева – родного племянника покойной царицы Анастасии. Породнившись с царем, черкесский княжич Михаил-Салтанкул стал одним из ближайших его советников. Известно так же, что сразу после объявления опричнины, Иван Грозный, оставив свой дворец в Кремле, переехал, на всякий случай, на подворье князя Михаила.

Черкесы давно знали и имели полное представление о том, что такое «особый двор» османских султанов, представляющий собой отдельное государство в государстве с собственной казной, судом, правительством и маленькой профессиональной армией. Только там, на Востоке, земли, выделенные в распоряжение султанского двора, именовались «хассе», а все остальные «дивани». В Москве они, соответственно, получили русское звучание – «опричина» и «земщина». Вот и все различия! А смысл, суть восточного «хассе» и русской «опричнины» оставались теми же!

Впрочем, на Руси земли опричнины, известные еще и под названием «дворцовых земель» в большом количестве появились еще при деде Ивана Грозного – Иване III, и уже тогда находились под особым управлением. Именно они, «дворцовые земли», и были забраны Грозным в опричину, составляя ее основной территориальный массив. А уж потом, по прошествии какого-то времени, царь просто отнимал ее у противных ему бояр и княжат, раздавая своим особо отли-

чившимся в лютости сподвижникам.

Неофициальной столицей опричнины Грозный объявил Александрову слободу, превратив ее в настоящую цитадель. Сюда и стали сходитья все нити внутреннего и внешнего управления державой: здесь размещался «опричный государев двор», функционировали опричные приказы, Боярская дума, располагался печатный двор, принимались иностранные посольства.

Но, расширяя границы опричнины, царь с лихорадочной поспешностью укреплял и важнейшие опричные центры, возводя неприступные замки и крепости. Сначала Иван IV задумал выстроить «особый» опричный двор внутри Кремля, но, поразмыслив на досуге, принял решение перенести свою резиденцию «за город». Менее чем за полгода на расстоянии ружейного выстрела от Кремля вырос мощный каменный замок, окруженный широкими и надежными стенами высотой в три сажени. На воротах, обитых жестью, красовалась казуистская символика – два резных разрисованных льва. У одного раскрытая пасть была обращена в сторону земщины, а у другого – внутрь опричного замка. Между львами располагался двуглавый черный орел.

Однако недолго мрачный и угрюмый замок на Неглинной казался царю надежным убежищем. Здесь, в Москве, мучимый страхами и подозрениями, он никогда не чувство-

вал себя в безопасности. В конце концов, шарахаясь даже от собственной тени, Грозный решил основать собственную опричную столицу в Вологде, выстроив там мощную крепость, наподобие Московского Кремля. Опричные власти спешно приступили к осуществлению царского проекта, и за несколько лет в Вологде была возведена главная юго-восточная стена крепости с десятью каменными башнями. Внутри крепости вырос грандиозный Успенский собор. Около 300 пушек, отлитых на московском Пушечном дворе, доставлены были в Вологду и свалены в кучу. 500 опричных стрельцов круглосуточно стерегли стены Вологодского кремля, которому так и не суждено было превратиться в опричную столицу.

В феврале 1565 года, не переставая пугать Ивана заговорами, Малюта Скуратов, Афанасий Вяземский, Грязной и другие приспешники, ставшие во главе опричнины, подвели царя к мысли о необходимости переезда из Москвы в Александровскую слободу. Грозный легко согласился, только на этот раз он не взял с собой давно и безнадежно ему опостылевшую Марию Темрюковну. Приставив к царице надежный караул, царь распорядился никуда ее из Кремля не выпускать. С некоторых пор у Ивана Грозного появилась новая игрушка, любимый фаворит, молодой, румяный и пышный телом Федор Басманов.

Уязвленная изменой мужа в самое сердце, Кученей, в отместку Ивану, завела в Москве гарем из поклонников.

Но царь, потеряв к супруге последний интерес, относился к ее неверности, более чем снисходительно. Но, подзревая Кученей в хитрости, лютости и женском коварстве, он, на всякий случай, поручил Афанасию Вяземскому за ней присматривать. Очень скоро пылкий и любвеобильный князь, немало наслышанный о дивных талантах красавицы, оказался в числе тех, кто уже побывал в ее постели. Неутомимая в ласках и любовных играх Кученей, так распалила и раззадорила своего надзирателя, что из соглядатая и доносителя он незаметно для себя самого превратился в глаза и уши царицы. От князя она узнавала обо всем, что происходило в Александровской слободе. Дикая горянка, она не могла простить мужу измену, и, в духе национальных традиций, рассчитывала при случае поквитаться с ним за предательство.

Вынашивая в голове план мести, Кученей удалось, благодаря своему поклоннику, установить связь с руководителями земщины, в частности, с ее лидерами- князем Иваном Челядиным-Федоровым и боярином Никитой Романовичем Юрьевым. Неплохо разбираясь в политической расстановке сил при дворе, Мария, знала слабости каждого. Эти знания и помогли ей привлечь на свою сторону обиженных на царя людей.

Случайно или нет, но где-то, примерно, в это же самое

время лазутчик с литовской стороны доставил главам земской Боярской думы – Челядину, Бельскому, Мстиславскому и Воротынскому адресованное им тайное послание. Польский король, занятый подготовкой к новой военной кампании против России, делая ставку на внутренние затруднения противника, предлагал боярам организовать вооруженный мятеж против царя и даже обещал им поддержку войсками. В случае удачи, король божился быть щедрым, причем настолько, что планировал не только вернуть бывшим владельцам их земли, но и восстановить в стране прежний порядок.

Однако Челядин, который в это время находился в Полоцке и мог без труда бежать в Литву, почему-то этого не сделал, а выдал лазутчика Ивану Грозному. Опытный воевода и мудрый политик Федоров-Челядин счел для себя невозможным полагаться на честное слово польского короля, а, тем более, становиться заложником его авантюрных планов.

Более чем разумно отнесся к случившемуся инциденту и сам Иван Грозный. Получив известие о поимке польского шпиона, царь, прервав инспекционную поездку в Вологду на строительство новой опричной резиденции, спешно прибыл в Полоцк. Учинив лазутчику личный допрос, Грозный, так и не выявив ни одного факта предательства, успокоился и не дал делу дальнейшего хода.

И, тем не менее, призрак смуты, возникший из глубины земщины, породил в его душе отчетливую тревогу и большие опасения за свое будущее. Все чаще и чаще в узком

кругу своих прилипал Грозный то ли в шутку, то ли всерьез стал поговаривать о монашеском клобуке. Так, будучи много лет назад в Кириллове на богомолье, царь, и в самом деле, пригласив в уединенную келью нескольких старцев, в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах. Вспоминая о том удивительном дне, Грозный и через семь лет, обращаясь к кирилловским келейникам, писал: «Вы ведь помните, святые отцы, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель, и как я обрел среди темных и мрачных мыслей „малу зарю“ света Божьего, и повелел неким из вас, братии, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мятежа и смятенья мирского. В долгой беседе с вами „аз, грешный“ я вам возвестил желание свое о пострижении... И мне мнится, окаянному, – завершал Грозный свое послание, – что наполовину я уже чернец».

Пытаясь убедить монахов в серьезности своих намерений, Грозный даже пожертвовал монастырю крупную сумму денег и попросил, чтобы ему отвели в стенах обители отдельную келью. Монахи выполнили просьбу государя, но он в ней так и не поселился.

Несмотря на все старания царя сохранить содержание кирилловской беседы в тайне, слухи о них через Вяземского и Марию дошли и до руководителей земщины, приведя их в легкое замешательство. Поверить в добровольное пострижение Грозного было трудно, но очень хотелось. Уйди он на покой в монастырь, и многие несуразности его правления

исчезли бы сами собой. Но как можно было поверить человеку, который нередко ради достижения каких-то своих малопонятных целей охотно прибегал ко лжи и притворству. Подозревая царя в очередном юродстве, земские вожди пришли к твердому убеждению, что, только свергнув Грозного, можно будет покончить и с войной, и с опричниной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.